

Глава 58. Карп в кисло-сладком соусе (часть 2)

Услышав это, Цзи Жунся продолжил накладывать У Баоцюаню шэнцзяни.

Он всем своим видом показывал: если У Баоцюань не разберётся с этим делом, он больше не станет обслуживать его.

У Баоцюань от этого разозлился ещё сильнее.

Обычно он был человеком покладистым, но разве так просто отыскать еду, которая действительно приходится по душе? А когда наконец находишь — как тут не дорожить каждым кусочком?

Голодный человек становится раздражительным!!!

А У Баоцюань сейчас был раздражён чрезвычайно.

Его злость немного улеглась лишь тогда, когда он принял из рук Цзи Жунся шэнцзяни и фруктовый напиток.

Чжу Пэнъи поспешно расплатился и быстро ушёл вслед за своим господином.

Стоявшая за ними Дяо Цююнь нерешительно спросила:

— Это... наш уездный магистрат?

— Да, наш уездный магистрат, — Цзи Жунся слегка кивнул.

Дяо Цююнь поражённо втянула воздух. Она ведь только что стояла прямо за уездным магистратом! А на вид тот совершенно не походил на чиновника с важным видом.

Если бы Ся-гэр не сказал, она бы и не догадалась.

Да что там Дяо Цююнь — остальные люди в очереди тоже ничего не заметили.

Какая-то незнакомая тётушка окинула Цзи Жунся насмешливым взглядом с головы до ног и сказала:

— Ся-гэр, ты, часом, не ошибся? С чего бы это уездному магистрату приходить за едой в такую маленькую лавочку?

Услышав это, Дяо Цююнь обернулась и сердито посмотрела на неё.

Эта женщина вообще не была из их переулка!

Раньше она здесь не появлялась. Видно было, что услышала про дешёвые сладкие напитки и специально пришла сюда.

Ей, видать, даже вкусная еда рот не способна закрыть.

— Ты чего уставилась, девчонка? Гляди, чтобы глаза не выпали! — Ю-ши*, заметив её взгляд, ещё больше разошлась. Особенно потому, что осмелилась смотреть на неё какая-то соплячка.

Она свирепо уставилась на Дяо Цююнь, словно готова была её съесть.

[*Обращение Ю-ши, Лю-ши и т.п. — это традиционное китайское обращение, используемое для замужних женщин. Ши (氏) — это суффикс, который буквально означает «клан», «род», так же можно перевести как «госпожа». Это обращение используется для идентификации женщины по её девичьей фамилии, даже после того, как она вышла замуж, перевести можно примерно как «из семьи Ю».]

Дяо Цююнь несколько не испугалась. Лишь слегка опустила голову, притворившись испуганной, и сказала:

— Тётушка, что вы такое говорите? Я просто подумала: кто же посмеет гадать, что господин уездный магистрат думает? Вот мне и стало любопытно, я только обернулась взглянуть.

Выглядела она так, словно её по-настоящему обидели, а ответить она не осмеливается.

— А уездный магистрат, что, не человек? Пять злаков не ест? Что вы хотите этим сказать, тётушка? — нахмурившись, спросил Цзи Жунся.

Пожилой Пэй фулан, пришедший вместе с Ю-ши, тоже помрачнел и тут же потянул её за рукав.

— Дядюшка, зачем вы меня тянете? Я просто любопытствую, — сказала Ю-ши, и в её круглых глазах так и читалась злость.

В конце концов, она всего лишь языком чешет. Не станет же Цзи Жунся её бить?

А если ударит, то тем самым только подтвердит её слова и покажет, что ему нечего возразить.

Ю-ши совершенно его не боялась.

Может, она ещё и угадала. Если дело было не в той самой причине, зачем уездному магистрату лично приходить в какую-то захудалую лавочку за едой?

Неужели блюда Цзи Жунся действительно настолько хороши?

Пожилой Пэй фулан уже готов был сгореть со стыда. Он ведь всего лишь хотел, чтобы кто-нибудь из семьи пришёл купить дешёвого вкусного сладкого напитка. Кто мог подумать, что Ю-ши окажется настолько несдержанной на язык.

Цзи Жунся холодно сказал:

— У меня хорошая стряпня. То, что гости приходят поесть в мою лавку, вам глаза мозолит?

Ю-ши скривила губы:

— Хорошая стряпня? Может, у тебя просто другие умения хороши? Ты уже не невежда, чего притворяешься?

После этих слов несколько человек в очереди засмеялись. Другие нахмурились.

Цзи Жунся заметил всё.

Он посмотрел на Ю-ши и улыбнулся:

— Тётушка думает, что мой фруктовый напиток невкусный, а учёные люди его не любят? Раз так, я больше не буду его продавать. Я-то по доброте душевной специально ездил в префектуру покупать сахар, хотел приготовить напиток для всех. А теперь вижу — это я зря старался. Руки у меня плохи, и не следовало мне вообще затевать всё это.

С этими словами он поднял глиняный таз, до краёв налил большую миску напитка Дяо Цююнь, затем положил семь-восемь шэнцзяней и передал всё ей.

Дяо Цююнь растерянно спросила:

— Ся-гэр, это...

— Присмотри немного за моим прилавком, — велел Цзи Жунся.

После этого он отнёс оставшийся сладкий напиток: один таз в дом Лю, другой — в дом Гуань. А шэнцзяни раздал по несколько штук тем, кто не смеялся вместе с Ю-ши.

Гуань Хунчи, Гэ фулан и Лю Далан не понимали, что произошло, и все вышли посмотреть.

Гуань Хунчи, едва появился на улице, сразу услышал разговоры вокруг и поспешно велел Гуань Сяомэй позвать Гу Чуньцая и Яо Тяньлань.

Цзи Жунся махнул рукой и начал сворачивать торговлю:

— Всё, больше ничего нет. Не стойте в очереди.

— Я столько времени простояла! Ся-гэр, даже если ты злишься, нельзя же из-за этого переставать торговать. К тому же сестрица Ю ничего такого уж неприятного не сказала.

— Вот именно. Теперь получается, будто ты сам чувствуешь за собой вину.

— Ты и правда больше не будешь продавать фруктовый напиток? Вы только недавно ездили в префектуру за сахаром. Жалко же переставать его продавать!

— Точно, точно.

Зеваки на самом деле тоже не поверили словам Ю-ши. Просто про себя пошептались, посмеялись — разве можно было принять такое всерьёз?

Кто же знал, что характер у Ся-гэра окажется настолько крутым: он даже продавать им не станет, просто даром другим отдал!

— Что это значит? Ты что, людей за дураков держишь?! — Ю-ши столько времени простояла в очереди, а теперь увидела, что всё закончилось, и в спешке попыталась преградить Цзи Жунся дорогу.

Пожилой Пэй фулан схватил её:

— Да успокойся ты уже.

Ся-гэр и вправду мог ударить человека!

— Ся-гэр, не сердись. У неё просто такой характер, — начал примирительно говорить Пэй фулан.

Цзи Жунся холодно усмехнулся. Изначально он тоже не хотел доводить дело до такого. Но теперь понял, что ошибался.

Некоторые действительно считали, что он молча проглотит эту обиду. Совсем уж свиным салом им сердце залило.

— Держать людей за дураков? Для этого сначала нужны люди. А я что-то людей здесь не вижу.

Он помолчал и добавил:

— Дядюшка, я ничего не имею против вас. Впредь буду смотреть в оба. Если не увижу — ну и ладно. Но если увижу, что кто-то поел моей стряпни, а потом пошёл покупать что-нибудь к вам в лавку, больше мы с этим человеком дела иметь не будем.

Пожилой Пэй фулан тут же забеспокоился:

— Ся-гэр, так нельзя! Мы же соседи, живём рядом!

Цзи Жунся ничего не ответил, лишь скрестил руки на груди и холодно усмехнулся.

От этой улыбки у пожилого Пэй фулана мурашки побежали по коже.

Ю-ши же, напротив, только разошлась:

— Это тебе не решать! Что, теперь все дела семьи Гу принадлежат тебе?! Или я всё-таки попала в точку?

Пожилой Пэй фулан тоже не придавал значения этим словам. Разве так можно вести торговлю? Наверняка Ся-гэр просто говорит это сгоряча.

Тут распахнулась дверь, и вышла Яо Тяньлань. Уперев руки в бока, она заявила:

— Этот ресторан теперь принадлежит Ся-гэру! Я сама составила для Ся-гэра договор: после моей смерти лавка достанется ему. Ну и что вам с того?! Хотите приходить — приходите, хотите есть — ешьте! А ты, Пэй, забирай своих людей и проваливай!

— Лао Гу, это правда? — недоверчиво спросил пожилой Пэй фулан у Гу Чуньцая.

Гу Чуньцай с каменным лицом кивнул:

— Это наше семейное дело. Но раз уж соседи спрашивают, ничего плохого в том, чтобы сказать прямо. Мы собираемся оставить ресторан Ся-гэру. Все дела в ресторане решает он.

Лицо пожилого Пэй фулана мгновенно побелело. Он схватил Ю-ши и принялся колотить её:

— Я же говорил тебе не болтать! Ты, бедствие на мою голову!

— Дядюшка, отпустите! Что я сказала не так? Если дело было не в этом, зачем уездный магистрат приходил сюда есть? Неужели его правда так уж привлекает эта еда?!

— Замолчи!

— Всё, хватит устраивать представление у меня перед домом. Если хочешь устраивать представление, иди к своей лавке! — Цзи Жунся поднял стол и занёс его в дом.

Гу Чуньцай и Яо Тяньлань тоже вошли в ресторан и с силой захлопнули дверь.

Люди переглянулись. Гуань Хунчи поспешно вытащил Дяо Цююнь из толпы и велел ей сначала идти домой: она и так держала столько всего, нечего ей здесь толкаться.

Лю Далан взял метлу и, подметая землю, сказал:

— Расходимся, расходимся. Больше не на что смотреть.

Только после этого толпа нехотя начала расходиться.

— Так они всё своё дело Ся-гэру оставляют?

— Значит, никакой той грязи между ними нет. Если бы действительно что-то было, разве Лао Гу при его характере отдал бы ресторан Ся-гэру?

— Я же говорил, что эта Ю-ши всё выдумывает. А вы мне не верили. Ся-гэр всё-таки молодец, ещё и два шэнцзяня мне дал.

— И Лао Пэй хорош! Сколько раз за эти дни он пользовался их утренней торговлей, а сегодня ещё пришёл людям настроение портить. Неудивительно, что Ся-гэр разозлился.

— А Ю-ши точно это имела в виду?

— Ты ещё не понял? Жаль только, что теперь фруктового напитка не попробовать. Только-только снова удалось его попить!

У Баоцюань сидел в повозке и ел шэнцзянь, одновременно что-то обдумывая.

Из тридцати штук он уже съел двадцать.

Если бы он не помнил, что нужно оставить несколько Чжу Пэнъи, то съел бы все до единого.

Он большими глотками пил фруктовый напиток.

Чжу Пэнъи от этого нахмурился:

— Господин, вы так пить не боитесь поперхнуться на ходу?

— Да ну его к чёрту! — выругался У Баоцюань. — Разворачивайся. В уездную управу не едем.

— Не едем в уездную управу? А куда? — удивился Чжу Пэнъи. — Разве мы не собирались разобраться с помощником Чжуном?

— Разобраться с ним? Зачем?! Он просто слепой прихвостень и сам ещё об этом не знает. Поедем искать начальника стражи уезда Циньчи.

— Начальника стражи? Он ведь тоже в уездной управе. Как мы его найдём, если туда не едем?

— Чжу Пэнъи помнил, что начальника уездной стражи звали Сюй, он был местным жителем,

ему было чуть за тридцать. На вид — честный, работающий и молчаливый человек.

За всё время пребывания здесь он видел, что его господин не ладит с помощником магистрата Чжуном, а начальник уездной стражи Сюй всегда сохранял нейтралитет. Правда, способностей у него было маловато: в управе скопилось несколько дел, связанных с человеческими жертвами, которые как раз входили в ведение начальника стражи — поддержание порядка и борьба с преступностью. В итоге всё оказалось в таком беспорядке, что их господину пришлось долго разбираться, прежде чем привести всё в порядок.

Какое отношение это теперь имело к нему?

У Баоцюань похлопал по борту повозки:

— Лао Чжу, ты столько времени со мной, а всё никак не поумнеешь? Поедем прямо к пристани за пределами уезда. Там ведь есть торговый дом, который принимает товары? Вот туда и поедем.

Чжу Пэнъи не понял:

— А?

У Баоцюань изначально не хотел так рано расправляться с ними, но теперь, похоже, другого выхода не было.

— В уезде Цинчи хорошо развито водное сообщение. Только в подведомственной уезду части есть восемь пристаней. Вокруг каждой из них есть филиал торгового дома Цинъюань. Это семейное дело начальника уездной стражи Сюй Хунчжэня.

— А? Господин, откуда вы это знаете?

У Баоцюань ответил так, словно это было само собой разумеющимся:

— Я проверял счета уездной управы! На налоги, которые платит каждая семья, достаточно одного взгляда, чтобы заметить неладное. Как ты думаешь, почему я обнаружил столько нераскрытых дел? Зачем мне было зря тратить столько сил? Разумеется, кто-то вставлял палки в колёса. Один помощник Чжун не мог устроить столько неприятностей. А ещё есть семья Сюй, которая при прежней династии была императорским торговым домом. Ты ведь с северной границы, наверняка не знаешь. Они всё ещё держатся — как сороконожка, которую даже после смерти не так просто свалить.

Услышав это, Чжу Пэнъи почувствовал, что вода здесь глубже, чем казалось.

— Господин, может, нам всё-таки найти людей?

У Баоцюань посмотрел на оставшиеся десять шэнцзяней, сглотнул, но в итоге не стал их есть. Всё-таки нужно было оставить их Лао Чжу.

Подняв голову и глядя прямо перед собой, он сказал:

— Зачем кого-то искать? Мы же не идём грабить дом. Просто зайдём в торговый дом посидеть немного. Я, уездный магистрат, лично пришёл к нему на порог. Если он не захочет встретиться, тем лучше — появится повод устроить ему неприятности.

— Да, у меня отняли заслуги, это правда. Но теперь у меня тоже есть покровитель. Чего мне

его бояться? Изначально я хотел подождать ещё немного, собрать побольше доказательств их проступков, а потом прийти к ним. Но теперь так не получится. Они посмели оставить меня без еды!

С этими словами У Баоцюань снова сердито хлопнул по повозке.

Небо велико, земля велика, а поесть — важнее всего. Разве они этого не знают?!

Эх, сегодня он слишком сильно разозлился. Шэнцзяни он ел так быстро, что даже не успел толком насытиться.

Чжу Пэнъи обернулся и посмотрел на своего господина.

Господин и правда умел хранить всё в себе. Оказывается, всё это время он нарочно разыгрывал неприязнь к помощнику магистрата Чжуну!

— Ся-гэр, не сердись на этих людей, — Яо Тяньлань сама ещё не совсем понимала, что произошло, но всё равно первым делом решила утешить Цзи Жунся. Ся-гэр ведь не был человеком, который стал бы без причины устраивать скандалы.

Гу Чуньцай недоумённо спросил:

— Так что же всё-таки случилось?

Цзи Жунся глубоко вздохнул и быстро объяснил:

— Я заметил, что за уездным магистратом кто-то следит, похоже, хотел ему навредить, поэтому я ему об этом сказал. А та тётушка заявила, что уездный магистрат ни с того ни с сего не стал бы приходить есть в нашу маленькую лавочку, и попыталась очернить мою репутацию, чтобы я молча проглотил эту обиду. Как я мог позволить ей такое говорить? Если бы я её ударил, это выглядело бы так, будто я сам чувствую за собой вину. Поэтому я просто раздал всё бесплатно. Даже даром раздам людям, но им больше ничего продавать не стану!

Услышав, как всё произошло, Яо Тяньлань тут же пожалела. Пожалела, что только что не отругала их как следует!

Она похлопала Цзи Жунся по плечу:

— Мама за тобой присмотрит. Если кто-нибудь пойдёт есть в лавку Пэй, а потом придёт сюда, я сама их выставлю!

Ся-гэр и Танцзинь каждый день крутятся с утра до вечера, ни минуты свободной. Они всё это видят. Кто угодно мог бы завести интрижку, но только не Ся-гэр. А эта Ю-ши ещё и не сказала прямо, что имеет в виду. Если бы они её побили, в итоге ещё сами оказались бы виноваты!

— Ся-гэр, иди отдохни. Остальное мы сделаем сами. И надо же, этот Танцзинь... Зачем только ему понадобилось идти землю обрабатывать? Именно сегодня! — Гу Чуньцай был страшно зол. Их семья никогда не лезла к другим, жила честно и спокойно. Пусть даже заработают меньше, но Гу Чуньцай не позволит, чтобы Ся-гэр снова терпел подобные обиды.

Цзи Жунся покачал головой:

— Дело не в том, что они специально выбрали сегодняшний день. Если бы Танцзинь был здесь, Ю-ши не стала бы говорить всего этого.

Он прекрасно понимал, в чём дело. Именно потому, что Танцзинь ушёл и оставил его одного работать, Пэй фулан и остальные решили, что им нечего опасаться.

Неужели теперь им с Танцзинем вообще никогда не работать порознь?

Как такое возможно!

Танцзинь сейчас должен заниматься земледелием, а в будущем — сдавать экзамены и стать чиновником. Сам Цзи Жунся должен учиться кулинарии. Им всё равно придётся иногда работать отдельно друг от друга. Ему нужно самому стать сильнее. Иначе о том, чтобы стать Богом Кулинарии, нечего и говорить — он даже маленький ресторан толком не сможет содержать.

Яо Тяньлань взяла Цзи Жунся за руку:

— Ну и дитя ты, зачем ещё за него заступаешься?

Цзи Жунся беспомощно улыбнулся:

— Танцзинь и правда ни за что пострадал. Он сейчас под палящим солнцем работает в поле. Как же я могу не сказать за него пару слов?

Яо Тяньлань и Гу Чуьндай тоже были рады, что Ся-гэр так защищает Танцзиня.

Какая хорошая молодая супружеская пара. И надо же кому-то ещё пытаться выдумывать про них всякое.

[Динь! Временное задание: «Как это — в ресторане Бога Кулинарии можно так просто поесть?» (Пожалуйста, повысьте цену более чем на половину блюд в меню.)]

Цзи Жунся: «???»

Неужели обязательно повышать цены?

[Награда за задание: ежедневно предоставлять одну треть необходимого количества высококачественных ингредиентов для блюд с высокой ценой.]

Цзи Жунся, не обращая внимания на то, что родители стоят рядом, поспешно спросил мысленно:

«Маленький мастер, что это значит? Одна треть ингредиентов — это одна треть ингредиентов для всех блюд моего меню?»

Система Бога Кулинарии холодно ответила: «Да».

Цзи Жунся снова спросил:

«Я могу написать что угодно? Допустим, если я внесу в меню мороженое, ты будешь предоставлять сливки? Это ты имеешь в виду?»

«Да, хозяин».

Цзи Жунся задал ещё один вопрос:

«А если я захочу приготовить кукурузную кашу восьми сокровищ, ты тоже дашь мне кукурузу?»

Голос Системы Бога Кулинарии звучал словно у властного господина, готового дать всё, что только пожелают:

«Да, хозяин! Если вы можете это написать, а я могу это достать — значит, получите».

Цзи Жунся больше ничего не спрашивал, лишь сказал:

«Спасибо, маленький мастер. Ты ведь пытаешься меня утешить?»

Голос Системы Бога Кулинарии по-прежнему оставался холодным:

«Нет. Я просто хочу помочь хозяину выпустить пар. Чем лучше вы будете жить, тем сильнее будут страдать те, кто не хочет видеть вас счастливыми. Я хочу, чтобы вы жили хорошо!»

Цзи Жунся на мгновение лишился дара речи. На самом деле он не так уж сильно злился, но всё равно сказал:

«Спасибо, маленький мастер».

Голос Системы Бога Кулинарии снова стал немного смущённым:

«Принимая во внимание беспокойство хозяина о том, как объяснить происхождение продуктов посторонним, а также то, что вы всё время хотели придерживаться направления «хорошее качество по доступной цене», я предоставляю лишь одну треть ингредиентов и разрешаю вам сохранить половину меню по доступным ценам.

Одну треть предоставляет система, две трети в будущем будет предоставлять партнер хозяина. Смешать одно с другим — идеально!»

Какая же она всё-таки умная система.

Цзи Жунся мысленно сказал:

«Я сейчас же всё изменю».

— Ся-гэр, что с тобой? — Яо Тяньлань, заметив, что Ся-гэр молчит, решила, что он всё ещё сердится, и сказала: — Сегодня мы сами всё сделаем, а ты немного отдохни.

Цзи Жунся покачал головой:

— Не нужно. Отец, матушка, я просто подумал: у меня настолько хорошая стряпня, что, может быть, я слишком низко установил цены. Вот люди и решили использовать нашу лавку как повод для разговоров.

Гу Чуньцай и Яо Тяньлань замерли.

Они и не думали, что Ся-гэр переживает именно из-за этого.

Цзи Жунся подошёл к меню, немного поколебался, а затем снял таблички с названиями

лепешек с креветками и мясом, курицы «кушуйцзи», свинины юйсян, лужоу, тушеных в маринаде овощей, каши восьми сокровищ и жареных яиц.

Это Танцзинь заранее написал для него. Сегодня утром Цзи Жунся только-только развесил таблички, собираясь с этого дня продавать новые блюда.

Кто бы мог подумать, что так скоро ему придётся их снять.

Гу Чуньчай и Яо Тяньлань не понимали, что он задумал.

Цзи Жунся подошёл к прилавку и взял кисть. В этот момент он вдруг был очень благодарен Танцзиню за то, что тот так настойчиво уговаривал его учиться читать и писать. Иначе сейчас он даже собственные иероглифы не смог бы нормально вывести, не говоря уже о том, чтобы спокойно писать таблички с меню.

Он осторожно замазал цены, написанные Танцзинем, переписал их, увеличив каждую в четыре раза.

Почерк у Цзи Жунся был аккуратным и ровным, но, конечно, до красивого, свободного почерка Танцзиня ему было далеко.

Однако в целом выглядело вполне гармонично.

В конце концов, это еда из ингредиентов, предоставленных системой, да ещё и его собственная стряпня. Даже вдвое поднятая цена всё равно оставалась вполне доступной.

Гу Чуньчай и Яо Тяньлань подошли посмотреть. Увидев новые цены, оба ошеломлённо переглянулись.

В их глазах читалось несогласие, но оба всё-таки подавили его.

Они не сердились и не стали спрашивать почему.

Ся-гэр сегодня и так пострадал от чужих слов. Пусть делает, что хочет. Когда Танцзинь вернётся, пусть хорошенько утешит Ся-гэра. Через несколько дней, глядишь, тот и успокоится.

Цзи Жунся поднял голову и увидел на лицах родителей растерянность и сомнение.

Он невольно подумал: неизвестно, то ли потому, что Танцзинь у них единственный ребёнок, то ли ещё по какой причине, но родители слишком уж баловали его. Даже потому, что любили Танцзиня, они так же сильно любили и его. Он настолько поднял цены, а они не только не спросили почему, но и молча позволили ему это сделать.

Хорошо ещё, что ни он, ни Танцзинь не были людьми со скверным характером.

Цзи Жунся сказал:

— Отец, матушка, Ю-ши ведь сказала, что уездный магистрат никогда не обратит внимания на нашу лавку. А некоторые ещё и смеялись. Вот я и хочу, чтобы они поняли: даже если мы поднимем цены, у нас всё равно будет полно людей, которые захотят здесь есть.

Яо Тяньлань, хотя и не понимала его до конца и считала, что так поступать не стоит — можно ведь и постоянных клиентов распугать, — всё равно кивнула:

— Хорошо.

Увидев, как мать озадаченно морщит лицо, Цзи Жунся едва не рассмеялся. Он снова развесил все таблички с меню.

На душе у него было тепло. Он обернулся к Яо Тяньлань и успокаивающе сказал:

— Матушка, не переживайте. На нашу еду покупатели обязательно найдутся.

—

<http://bllate.org/book/17885/2027834>